

ТЫ СО МНОЙ

ПРЕВРАЩЕНИЯ

1

Разве что-то изменилось? –
Жизнь прекрасна, как была!
Ну, под горку покатилась,
Белой пылью поплыла,
Ну, вошла чертополохом,
Распушилась чабрецом
И речным склонилась лохом
Над заплаканным лицом.

А чего, скажите, плакать?
Разве плохо быть цветком,
По лугам,
По буеракам
Пчёлку потчевать медком.
В гости ждать стрекоз и мушек,
Ветер, бабочек, жуков,
А ночами чутко слушать
Шум летящих облаков.

Разве плохо быть пылинкой
От степного чабреца,
Чтоб внесли с молочной крынкой
В хату, в горенку отца.

Он вернулся в дом из праха –
Плачет в зыбке расписной,
А над ним хлопочет птаха –
Свищет дудочкой лесной.

Новосёл следит за птицей
И в кулак поймать стремится
Утра огненную нить.
Разве плохо быть синицей
И младенца веселить?

2

Я девочку встречу, босую, в степи у колодца,
В венке васильковом, в холщовой рубашке худой.
Скажу: «Ты не мать ли моя?» – и она засмеётся,
И брызнет в лицо мне колодезной синей водой.

И в степь побежит, подгоняя гусей хворостиной,
Как бегала мама когда-то, – легко побежит.
И нет ничего – только воды подёрнулись тиной.
И нет ничего – только маревом воздух дрожит.

Но всюду, везде я живое дыхание слышу,
Твой лепет младенческий, ножек твоих топоток.
Мгновенье – сидишь на горячей, на глиняной крыше.
Мгновенье – расцвёл в этом месте багряный цветок.

Так манишь, меняешь и новые ищешь обличья,
И бабочкой вьёшься, и вихрем в пыльце слюдяной.
И если мне в поле послышится песенка птичья,
То я не одна – ты со мной, ты повсюду со мной...

* * *

Всё лето солнце и цветы –
То васильки, то незабудки.
Цветут над озером кусты.
Кричат разбуженные утки.

Всё лето – солнце, я и ты,
Мой сокровенный, мой любимый.
И до небесной пустоты
Цветут поля, не помня зимы.

Лишь на тебя весь день смотрю,
В горячке, в трепетном недуге.
Люблю тебя, но говорю,
Но вру о выдуманном друге,
Чтоб ты не думал, будто я
В тебе растаю без остатка,
Как соль морей, как мёд былья
В ковше с водой, хмельной и сладкой,

Из родника,
Из студенца,
Где отражается украдкой
Улыбка юного лица...

* * *

Душа – она не понимает,
Что я давным-давно стара.
Она словам любви внимает –
Их шепчут ночи до утра,
И видит сны – совсем девичьи:
Она уходит в рощи птичьи,
Где кто-то манит и зовёт,
И папорт огненный цветёт,
И озаряет всё в округе –
И просыпаюсь я в испуге,
И отдышаться не могу,
Как будто встала на бегу,
Как будто приросла я к месту,
Но это тоже сон.
Невестой
Стою на синем берегу,
А под ногами,
Под обрывом
Струится ночь без перерыва,
И плачет птица на лугу...

СТРОКИ ВОЙНЫ (2014 – 2015)

1

Опять всё то же: кровью пахнет слово,
Как было встарь, весной сорок второго,
Когда отец мальчишкою попал,
Из-под родного, подстепного крова
В котёл войны, где плавился металл...

Ты шёл по пыльным шляхам Украины,
Невольник новой мировой войны.
Столбы огня – горящие раины*
К твоим ногам спадали с вышины.

Ты будто спал и видел мир нездешний:
Катился дыма синеватый вал,
Краснели маки на муравке вешней
И между ними белый снег лежал.

* Раины – тополя на Украине

Какая это странная картина
Среди гудящей, взорванной земли.
А подошли – из края в край долина
В телах солдатских. Все тут полегли.

Тут снег бинтов и маки крови алой,
И долгий стон в небесной пустоте.
А подошли – земля загрохотала,
Как будто в голос зарыдала степь.

А подошли – ковыльными кустами
Над каждым павшим наклонилась мать,
И крылья душ над бледными устами
Ещё парят и медлят отлетать.

Потом котёл клокочущего боя,
И пуля в грудь, и колокольный звон,
И тишина,
И небо над тобою –
Со всех сторон...

2

В музеях – войны отгремевшей пилотки
И фото героев – вся грудь в орденах,
Но вновь получаем военные сводки,
Но снова пылится украинский шлях.

И снова у Дона, как было когда-то,
Разрывы снарядов, геройский редут.
Огнём полыхают крестьянские хаты,
И беженцы снова бегут и бегут.

Развалины. Синие очи ребёнка.
Он слушает небо, заоблачный звон.
Под ветхим тряпьем согревает котёнка
И с голубем раненым делит батон.

Живых не осталось под крышей сгоревшей,
И страшно, когда нарастает гроза,
Но есть образок на стене уцелевшей –
С него материнские смотрят глаза...

3

В бою упал он, защищая Дон,
Заклёван был он пулями у Дона,
Но со стены, не уставая, он
Глядит на мать, на свет родного дома.

А матери всё кажется одно:
Не снимок тонкой рамкой огорожен,
А сын пришёл и заглянул в окно –
И наглядеться на неё не может...

4

Думали, война не повторится,
Век звериный сгинет навсегда,
Но проснулся зверь.
Звенит криница,
Да нельзя из родника напиться –
С горькой кровью смешана вода...

ПОБЕДИТЕЛЬ
(подражание жырау)

Поток срывался с облаков. Он камни отсекал,
Как будто головы врагов, у горделивых скал.
Ревел поток, а ты стоял, как равный, рядом с ним.
Язык его ты понимал, как он, неукротим.

В звериных шкурах зная толк, имел ты к ловле страсть.
Через плечо свисает волк – разинутая пасть.
На шапке – лисий хвост. Он сед.
Лиса хитра была.
Пустил ты беркута ей вслед. Летел он, как стрела.

Лиса продрогла до кости, визжала, жизнь звала,
И грызла ветер, но уйти от птицы не смогла.
Как беркуты с твоей руки, и конницы неслись.
Полмира погрузил в возки,
Свою возвысив жизнь!

Ревёт поток. Летит каскад. Не видит он потерь.
Где льды, где вод небесных клад – там есть на небо дверь.
Багряный зев открыл закат, дыша, как дикий зверь.

Роняла жёлтую слюну свирепая заря.
Но ты – ты ущипнул струну, домбру свою бодря.
Кричат красотки от щипков, но ждут их всякий раз.
Ты про охотничий улов завёл хвастливый сказ.

Как страны падали к ногам, как поднималась пыль,
И как светился по ночам в пустой степи ковыль,
Как в чаши кровь ты наливал, как пил под звон мечей,
Как выл от ужаса шакал в пожарищах ночей.

Но вдруг струна оборвалась, последний звук тая.
Внезапно, как и началась, умолкла песнь твоя.
Летел поток, а ты застыл, готовый прыгнуть вниз.
Полмира приторочил ты к седлу, как связку лис.

Ты лучших женщин на земле кидал на свой ковёр.
На лучших скакунах, в седле, ты обгонял простор.
Так что же плачешь и ревёшь под грохотом волны?
И скачут пальцы, словно вошь, по волосу струны.

Привёл к вершине голубой последний перевал.
Но только – бездна над тобой и под ногой – провал.
Ты мал. Тебя легко бы смял поток, расплющив грудь.
Да разве ты побед искал? –
Искал ты к Небу путь.

И вот у бездны ты стоишь,
И в небо чёрное кричишь,
И некуда свернуть...

ИЗ ТЬМЫ КРОВЕЙ

1

Мне снится хутор на Днестре,
С весенним яблоневым садом.
Небесный свод в колодце рядом.
Звезда вечерняя в ведре.

Её казачка вносит в дом,
И странный свет всю ночь потом
Блуждает в горнице белёной.
И вновь казачке, увлечённой
Любовью, что цветёт давно,
Казак привидится чубатый –
Крадётся тенью он вдоль хаты,
Кидает камешек в окно.

Качаясь, пни идут из балки,
Хохочут на пруду русалки,
Но осенясь святым крестом,
Казачка в ночь бежит босая,
И руки белые бросает
На грудь любимого, и ртом
Она горячий воздух ловит,
И полыхают углем брови
На бледном девичьем челе.

Луна скатилась по пригорку.
Нырнула в лисью свою норку,
И только хвост горит во мгле.

2

Из тьмы столетий сновиденье...
Ко мне приходит на мгновенье
Далёких пращуров любовь,
Ведь от неё лучи сквозь годы
Идут, проходят сквозь народы
И гаснут, возгораясь вновь.

И вот уж свет звезды полночной
Туманит огненные очи
Туземке с дымных берегов.
Сибирь. Тайга.
Шаман хохочет.
Черны, как соболь, эти ночи
На шкурах, в чуме, среди снегов.

Ох, далеко забрался ныне
Казак, скитаясь по чужбине,
Казачье семя рассорил.
Дошёл до кромки океана,
А там, за маревом тумана,
Огней мерцают янтари.

3

С тех пор в крови у нас кочевье...
Цветёт ромашка – травка девья.
Хоть лепестки все оборвать,
До солнышка, до сердцевины,
В своём грехе, как жизнь невинна,
Любовь нам выпадет опять,
И ночки, и конечно, ночки...

В ромашках все луга и кочки,
Чтоб сосчитать – нужны века...

Из тьмы кровей, издалека
Дымится белая дорога –
Вдаль, от днепровского порога,
От хат и от седой Руси
К иртышским водам осетровым,
К народам странным,
К землям новым.
Всё отдадут, что попроси,

За песню –
Лишь бы она пелась,
Когда душе того хотелось.
Непредсказуема, как жизнь,
И на людские страсти падка,
И для певца она загадка...
Куда летишь, остановись!

Несётся, в облаках ныряя,
Как ястреб, солнце догоняя,
И чем закончится – Бог весть!
Все ждут хорошего исхода:
И у певца,
И у народа
Уже финал счастливый есть.

Но песня может повернуть
Стрелой смертельной – прямо в грудь.
И грянет гром, и с птичьим криком
Струна порвётся в вихре диком,
И даст певцу передохнуть.

4

Но песня всех заворожила...
Какая сила в козьих жилах –
В луче играющей струны,
Что покоряет без войны?
И здесь, у песенных истоков,
Рыдая сладко и жестоко,
Пройдя из края в край земли,
Мой предок опустил поводья...

Был май. Шумело половодье.
В степи светились ковыли.
От рыбы водам тесно было.
От пёстрых птиц в глазах рябило.
Качало степь от табунов.
И думал предок,
Обмирая:
«Ну, вот я и достигнул рая!
Прощай, кочевье, навсегда!»

Горела ранняя звезда,
Такая же, как в Приднестровье.
Но песня –
Песня стала кровью,
Что не отпустит никогда...

* * *

Человек не говорит стихами,
Но стихами хочет говорить,
Посреди земли – в Небесном Храме,
Средь полей,
Где вьётся речки нить.

От тоски и от страстей сгорая,
Умирая от любви своей,
На пороге ада или рая,
Посреди бушующих морей
Через край душа готова литься
То ли песней, то ли вольной птицей,
То ли плачем,
Что сорвётся в крик,
Оттого, что этот мир велик.

Как ещё ей дать освобожденье,
Как объять бескрайний Божий свет,
Если ты не музыкальный гений,
Если ты не лирик, не поэт...

ТЕЛЕФОННЫЙ РОМАН

Дымится небо в медленной реке.
Ещё гроза грохочет вдалеке,
А соловей в шиповнике цветущем
Уж начал петь – всё звонче и всё пуше,
И с каждым звуком нарастала страсть.
Весь день таился, а теперь – на воле.
Напеться до безумия, до боли,
Напеться так,
Чтоб замертво упасть!

Сияет высь созвездием Плеяд.
В окошках дышит потрясённый сад.
И ночь темна, как в первый день творенья.
Я слушаю ночного соловья,
Но всё же замираю сердцем я
Не от его божественного пенья...

Звонишь по вечерам, издалека,
И голос твой волнуется слегка,
Хоть вроде ничего не происходит,
И о любви не говорится вроде,
Но сквозь туман словесный, иногда,

Забыв про наши лишние года,
Так явно проступают очертанья
Того, что в сердце созревает тайно,
А как назвать? – Названье сам найди!
Но не любовь – с рыданиями, страстями,
С бокалом яда, как в старинной драме,
Или с ножом в пылающей груди.

Не знаю и такого, чтобы мне
От ревности гореть в сухом огне,
Соперниц изводить, сживать со света,
Всё лишь затем, чтоб мне тобой владеть,
Чтоб на тебя свою накинуть сеть:
Ты мне не нужен – нужно только это.

Охотница!
Тут можно и пропасть...
Но я любви такой не знаю власть,
И сеть моя давным-давно дырява.
Соперницы мои горят в аду,
А может, в райском нежатся саду,
И каждая прекрасна и кудрява!
А те, кто жив, пасут своих внучат.
И влага заволакивает взгляд,
Как вспомнят о страстях отбушевавших, –
Всё стало дымкой счастья, может быть,
Или грехом, который не избыть
На поле жизни,
Где так много павших...

Так что меж нами? – спрашиваю вновь,
Ведь не похоже и на ту любовь,
Когда она становится подкожной,
Когда врастает в плоть твою и в кровь,
Когда дышать раздельно невозможно,
А ты – один, и я живу – одна.
Привычный дом. Привычная луна.
И нет безумств. И слово осторожно.

Но щёлкнет соловей, от ночи дик, –
Откликнется на птичий его крик
Оттуда, где цветёт шиповник алый,
Призывный цокот соловьиной малой,
И перещёлк, и быстрый разговор,
И птичий смех, и, может, всякий вздор,
И длится их беседа бесконечно,
Как и у нас с тобою каждый вечер.

А не звонишь – мой потухает взор.
Мне скучно всё. Всё смысла не имеет.
А за окном ночной шиповник рдеет,
И соловьяха соловья зовёт.
Над серебром текучих лунных вод
До самых звёзд, до высоты весенней,
Двоясь, растут их маленькие тени,
И песни потрясают небосвод.

Вновь не усну, заслушаюсь опять...
Да не о том хотела я сказать,
Не о певце, без памяти влюблённом.
Что соловей?
Мы любим и молчать.
Но чуть молчанье – в горле телефонном
Вдруг оживают эхом отдалённым
Гром канонад, гудение огня,
Стрельба и взрывы, стоны и рыдания,
И смерти леденящее дыханье –
Весь ужас мира, все страдания дня!

Нет, не молчи! Пусть трелью соловьиной
Звенит звонок над каждой ночью длинной.
Пока смеюсь и говорю с тобой –
Я под защитой. Мир меня не тронет.
Пусть не любовь. И пусть твои ладони
Ни ясным днём, ни ночью голубой
Мои живые не распустят косы,
С ресниц моих к утру не снимут росы
И не закроют в смертный час глаза...
Но ты звонишь – и летняя гроза
Смиряется спокойным лунным светом.
И соловьи, разнеженные летом,
В шиповнике толкуют шепотком,
И замолкают.
Но потом, потом
Таким окатят щёлканьем и свистом,
Так оживят от гроз уставший сад,
Что этим пеньем, ликованием чистым
Любое в мире эхо заглушат!

